

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2019.2.3>

UDC 930.272
LBC 63.3(2)4

Submitted: 27.09.2018
Accepted: 13.03.2019

TRADITIONS AND PROSPECTS OF STUDYING MASS PUBLIC MOVEMENTS IN THE RUSSIA OF THE 17th – 18th CENTURIES

Nikolaj A. Mininkov

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation

Abstract. “The Peasant War in Russia in 17th – 18th Centuries” monograph, which was published in 1966, and “The Peasant War in Russia in 17th – 18th Centuries: Problems, Searches, Solutions” collection of articles, published in 1974, summed up the Soviet historiography study on the great issues of mass popular movements. Common outcomes include regarding them as peasant wars or the phenomena, which express the essence of public relations of antifeudal character in the era of serfdom. These works particularly noted their progressive significance. For the modern researcher the monographs give a general idea of the state of studying peasant wars in Soviet historical science and contain a clear indication to the controversial issues of the history of these movements. They make it possible to understand that modern studies of the problem are based on the cultural-anthropological approach, and put a person who participated in these events, his psychology and culture at the center of attention. Modern research on mass popular movements in Russia in the 17th and 18th centuries does not address the concept of peasant wars. They raised new problems, the solution of which allows to understand participants in these movements, the peculiarities of their consciousness and the role of unconscious beginnings in their actions. The works give a new, sociocultural sense to the traditional concept of the Russian revolt. But at the same time we should keep in mind that the achievements of our time, which are undoubted, are the result of rethinking what has been achieved by the Soviet historical science of peasant wars. We should also emphasize that the provisions and conclusions were made on the basis of colossal factual material. At the same time, we shouldn't completely abandon the provision on the peasant war.

Key words: peasant war, Soviet historiography of peasant wars, class struggle under feudalism, Russian rebellion, I.I. Smirnov, A.G. Mankov, E.P. Podyapolskaya, V.V. Mavrodin.

Citation. Mininkov N.A. Traditions and Prospects of Studying Mass Public Movements in the Russia of the 17th – 18th Centuries. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4, Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2019, vol. 24, no. 2, pp. 26-35. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2019.2.3>

УДК 930.272
ББК 63.3(2)4

Дата поступления статьи: 27.09.2018
Дата принятия статьи: 13.03.2019

ТРАДИЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ МАССОВЫХ НАРОДНЫХ ДВИЖЕНИЙ В РОССИИ XVII–XVIII ВЕКОВ

Николай Александрович Мининков

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

Аннотация. Монография «Крестьянские войны в России XVII–XVIII вв.», которая вышла в свет в 1966 г., и сборник статей «Крестьянские войны в России XVII–XVIII вв.: проблемы, поиски, решения», опубликованный в 1974 г., подводили итоги изучения в советской историографии большой проблематики массовых народных движений. К общим итогам относилось понимание их как крестьянских войн, явления, выразившего суть общественных отношений в эпоху крепостного права и носившего антифеодальный характер. Особо отмечалось их прогрессивное значение. Для современного исследователя эти монографии дают общие представления о состоянии изучения крестьянских войн в советской исторической науке и содержат четкое указа-

ние на дискуссионные вопросы истории этих движений. Они позволяют уяснить, что современные исследования данной проблемы основываются на культурно-антропологическом подходе и ставят в центр внимания человека, участвовавшего в этих событиях, особенности его психологии и культуры.

Ключевые слова: крестьянская война, советская историография крестьянских войн, классовая борьба при феодализме, русский бунт, И.И. Смирнов, А.Г. Маньков, Е.П. Подъяпольская, В.В. Мавродин.

Цитирование. Мининков Н. А. Традиции и перспективы изучения массовых народных движений в России XVII–XVIII веков // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2019. – Т. 24, № 2. – С. 26–35. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2019.2.3>

300-летний юбилей Разинского восстания и 200-летний юбилей Пугачевского восстания явились событиями, которые способствовали привлечению внимания общественности и профессионального сообщества историков к массовым народным движениям в России. Ответом на этот интерес со стороны отечественной исторической науки стали две публикации издательства «Наука». Первая публикация была издана в Москве и Ленинграде и посвящена движениям XVII–XVIII вв., которые характеризовались в качестве крестьянских войн [7]. Это были восстание начала XVII в., восстания под предводительством Степана Разина, Кондратия Булавина и Емельяна Пугачева. Посвященные этим событиям очерки были написаны известными советскими историками И.И. Смирновым, А.Г. Маньковым, Е.П. Подъяпольской и В.В. Мавродиным и были рассчитаны не только на ученых, но и на более широкий круг читателей. Вторая публикация, вышедшая в свет через несколько лет в Москве [8], также была посвящена этим событиям отечественной истории. Но она в большей степени носила научно-исследовательский характер и освещала ряд дискуссионных вопросов, которые имелись к тому времени в историографии. Оба издания подводили своеобразный итог исследованию этой большой проблемы отечественной истории за советские годы. Вместе с тем в них ставились вопросы дальнейших исследований и намечались их перспективы. Поэтому они получили свою читательскую аудиторию и широкую известность среди исследователей истории России периода феодализма.

Во время подготовки этих публикаций и ко времени их выхода в свет в советской историографии были изданы монографии, посвященные крупнейшим массовым народным движениям в феодальной России. Так, книга

И.И. Смирнова о восстании Болотникова вызвала весьма острую дискуссию об этом движении. Восстанию под предводительством Булавина посвящалось исследование Е.П. Подъяпольской. Группа ленинградских историков под руководством В.В. Мавродина вела работу над трехтомным трудом о Пугачевском восстании, а И.В. Степанов – о Разинском восстании. Кроме того, издавались исследования об отдельных аспектах, относящихся к народным движениям в России XVII–XVIII веков. Появлялись новые документальные публикации. Тем самым значительно расширился круг опубликованных документов, относящихся к этим движениям, по сравнению с публикациями 20–30-х годов.

К общим итогам исследования большой проблемы этих народных движений за годы развития советской историографии, подведенным в изданиях, относится, прежде всего, признание их в качестве исторических явлений, оказывавших огромное влияние на развитие русского общества и заслуживавших самого значительного внимания исторической науки. Они не просто рассматривались как заметный эпизод отечественного прошлого, а выделялись как явление, выражавшее самую суть общественных отношений того времени, когда крепостное право в России развивалось, усиливалось и достигло наивысшего подъема. Отсюда и другая характерная особенность их рассмотрения советскими историками. Анализ этих движений происходил в контексте формационной и классовой метатеории как выражения классовой борьбы в феодальном обществе в ее наивысшей форме. И поскольку для этой формы советскими историками было принято определение, которое давал Ф. Энгельс для восстания в Германии под предводительством Т. Мюнцера как крестьянской войны, то отсюда распространилось положе-

ние о четырех крестьянских войнах в России. Поэтому в исследованиях советских историков как главная причина всех этих войн рассматривалось так или иначе крепостное право. Оно могло проявляться или в связи с ликвидацией права крестьянского выхода и введением сроков сыска беглых, как перед событиями начала XVII в., или как отмена урочных лет и завершение его формирования по Уложению царя Алексея Михайловича. Оно могло выступать в виде права помещиков ссылать крестьян в Сибирь и права подавать жалобы на помещиков в елизаветинское и екатерининское время. Сложнее всего было увязать крепостное право с Булавинским восстанием, которое отличалось своей казачьей спецификой. Но и при обосновании причин этого восстания крепостное право также заняло немаловажное место. С ним связывался наплыв на рубеже XVII–XVIII вв. на Дон беглых крепостных, которые по действовавшим в войске Донском порядкам становились казаками и явились движущей силой восстания во главе с К. Булавиным. При этом самих казаков, участвовавших в Булавинском восстании, Е.П. Подъяпольская рассматривала как недавних крестьян [7, с. 179–180].

Взгляд на массовые народные движения как на восстания, направленные против крепостного права, предопределил вывод ряда советских историков об антифеодальной природе их в целом, об их направленности против феодального строя вообще. Данное положение давало основание для сопоставления этих движений в России не только с народными выступлениями в странах Западной Европы, но даже с Великой французской буржуазной революцией. Отсюда положение, которое высказывал В.В. Мавродин по поводу Пугачевского восстания. Его он рассматривал как движение, имевшее связь с развитием общественно-политической революционной мысли, что хорошо понимали, как он подчеркивал, и современники Пугачева, и ближайшие их потомки [8, с. 50]. Делался даже вывод, что события начала XVII в. – это «буржуазная революция на ее раннем этапе» [10, с. 482], который не был поддержан в советской историографии.

В качестве главной движущей силы этих восстаний рассматривалось крестьянство, но

вместе с тем обращалось внимание на то, что активными их участниками были далеко не только крестьяне. Одним из важнейших признаков крестьянской войны как высшей формы классовой борьбы при феодализме признавалось наличие в ней характерных черт общенародного движения, охватывавшего разные слои населения и разные территории страны. Так, в событиях начала XVII в. в качестве одной из движущих сил указывались холопы. Во всех массовых движениях в России XVII–XVIII вв. происходили выступления городского населения, на что указывалось советскими историками. Отмечалось активное участие в восстаниях под предводительством С. Разина и Е. Пугачева народов Поволжья и Урала. И конечно же, совершенно особое место отводилось во всех этих движениях казакам. В движении начала XVII в. это были донские и терские казаки во главе с самозванцем царевичем Петром. Более значительную роль казаки играли в восстаниях под предводительством С. Разина и Е. Пугачева, в которых из них состояло руководство восставшими во главе с самими предводителями. Спецификой Булавинского восстания, которое также рассматривалось в ряду крестьянских войн, признавался вообще его особый, казачий характер. Проявлялся он настолько сильно, что требовалось объяснение для того, чтобы ставить это движение в рамки концепции крестьянских войн.

Несомненным для советской историографии был вывод о прогрессивности массовых народных движений, в том числе крестьянских войн. В основе вывода – идея исторического прогресса, выработанная в эпоху Просвещения, и вывод о существовании классовой борьбы, сделанный французскими историками эпохи Реставрации, который был дополнен марксистским положением о прогрессивности движения широких народных масс. Несколько сложнее было с конкретным выражением этой прогрессивности. Было поставлено под сомнение общее положение, что эти движения расшатывали феодальный строй, заставляли крепостническое государство принимать меры к ограничению феодальной эксплуатации крестьян, чтобы не допускать взрывов народного возмущения. Подчеркивалось, однако, что массовые движения имели свои

конкретные последствия, которые были благоприятны для народа. При этом В.В. Мавродин подчеркивал, что не следует преувеличивать степень влияния таких последствий, она была весьма ограниченной [7, с. 326]. Отчасти это относилось к последствиям крестьянской войны начала XVII в., когда при Михаиле Романове были несколько смягчены крепостнические законы и частично облегчены феодальные повинности. То же самое и после восстания под предводительством Пугачева, когда правительство Екатерины II отчасти шло на уступку «капиталистской» части крестьян. Обращалось особое внимание на принципиальные различия между крестьянскими войнами и революциями. Ставился вопрос о причинах поражения крестьянских войн в России. Эти причины связывались с особенностями крестьянства, которое способно было на социальный протест и на выражение своих чаяний, но крестьянские восстания отличались стихийностью и неорганизованностью. Обращалось внимание на вопрос об идеологии восставших, к которой относили, прежде всего, наивный монархизм. Делался вывод о том, что для успеха крестьянских восстаний было необходимо классовое руководство со стороны более организованных и сознательных классов, которыми могли быть буржуазия или пролетариат. Однако в крестьянских войнах в России такого руководства не было, поскольку не было этих классов. При этом отношение к крестьянским войнам, к их предводителям и участникам, было самым позитивным. Подчеркивалось, что в ходе этих событий народ накапливал опыт и традиции классовой борьбы, необходимые для последующего времени, что в ходе них складывались традиции общей борьбы разных слоев народа. Приводились слова В.И. Ленина о том, что классовая борьба крестьян «накапливала у них горы злобы, ненависти и отчаянной решимости», что она учила крестьянина «ненавидеть барина и чиновника» [9, с. 211]. Давались исторические портреты предводителей крестьянских войн, с характерной для таких портретов идеализацией. Подчеркивалось влияние крестьянской борьбы, в том числе памяти о Разине и Пугачеве, на целые поколения революционеров в России, начиная с первого из них – А.Н. Радищева.

В целом в крестьянских войнах в России XVII–XVIII вв. советские историки видели высшую форму классовой борьбы при феодализме. Но вместе с тем в двух изданиях о крестьянских войнах давалась характеристика каждого из движений.

Вывод о первой крестьянской войне делал И.И. Смирнов и относил ее к восстанию под предводительством И. Болотникова в 1606–1607 годах. В ходе дискуссии, последовавшей за выходом монографии И.И. Смирнова, А.А. Зимин очень существенно пересмотрел хронологию данной крестьянской войны. Он указывал, что крестьянская война длилась значительно дольше. Она началась еще с восстания Хлопка 1603 г., а завершилась не ранее 1615 года. Признак ее продолжения он видел в разбоях казаков во внутренних уездах страны. Что касается восстания Болотникова, то это был только лишь высший подъем крестьянской войны, но не вся крестьянская война. С крестьянской войной А.А. Зимин связал массовые движения в поддержку обоих самозванцев – Лжедмитрия I и Лжедмитрия II [5]. Тем не менее в издании 1966 г. И.И. Смирнов сохранил свое прежнее положение о крестьянской войне как о восстании Болотникова и, как и в своей прежней монографии об этом восстании, считал движение под предводительством Болотникова самой масштабной по размаху и по значению крестьянской войной в России [7, с. 88].

Дискуссионным ко времени выхода в свет монографий оставался вопрос о хронологии второй крестьянской войны, или восстания под предводительством С. Разина. В начале 50-х гг. Е.В. Чистякова относила к началу крестьянской войны поход донских казаков во главе с атаманом В. Усом в 1666 г. к Воронежу и Туле [25]. Эта точка зрения принята не была. Указывалось, что в движении В. Уса не было социального протеста, но имело место лишь попытка казаков наняться на царскую службу. В очерке о Разинском восстании в монографии 1966 г. А.Г. Маньков начинал его с 1667 г., когда казаки во главе со С. Разиным вышли в поход на Волгу и Каспийское море. Между тем И.В. Степанов в монографии о Разинском восстании, первый том которой вышел в свет в 1966 г., начало крестьянской войны относил к 1670 г. [23].

Сущность разногласия по поводу хронологии первой крестьянской войны не только хронологическая. Хронология связана с уяснением содержания понятия о крестьянской войне. И если А.Г. Маньков, как и другие советские историки того времени, допускал возможность крестьянской войны на территории, далекой от компактного проживания крестьянства, то И.В. Степанов отрицал такую возможность. С его точки зрения, движение под предводительством С. Разина превращается в крестьянскую войну только тогда, когда к нему подключаются крестьяне из внутренних уездов страны.

При характеристике Булавинского восстания как крестьянской войны наиболее сложным вопросом становилась оценка ее движущих сил. По мнению Е.П. Подъяпольской, главной движущей силой восстания были крестьяне. И даже во время выступления в Шульгинском городке, с которого началось восстание, казаки, указывала она, составляли не более трети восставших [7, с. 179]. Что касается казачества, то у Е.П. Подъяпольской заметно деление казаков по географическому принципу (на низовых и верховых) и по социальному (на бедных и богатых). Как подчеркивала Е.П. Подъяпольская, богатые казаки проживали, прежде всего, на Нижнем Дону и в ходе восстания поддерживали правительство. Таким образом, в ходе восстания, отмечал исследователь, единства среди донского казачества не было. Был сделан вывод о гибели Булавина в бою при защите дома, который он занял в Черкасске, но не о его самоубийстве. Сложнее всего решался вопрос о значении этого восстания. Е.П. Подъяпольская отмечала, что восстание «не облегчило положения крестьян и других групп населения», но в то же время заявляла, что восстание «противодействовало безграничной эксплуатации, нанесло весьма чувствительные удары феодально-крепостническому строю и способствовало развитию и росту классового сознания крестьян» [7, с. 202]. В этих утверждениях имеются противоречия. Также не вполне прослежено отношение донского казачества к политике русского правительства, направленной на дальнейшее подчинение Дона.

Говоря о восстании под предводительством Е. Пугачева, В.В. Мавродин подчерки-

вал, что оно отличалось большей сплоченностью, чем предыдущие крестьянские войны, имело свое Главное войско и четкие лозунги, выраженные в манифестах и указах Е. Пугачева как императора Петра III, в обращениях его полковников и атаманов. Исследователь в то же время подчеркивал, что это была последняя крестьянская война в истории России. Он это объяснял дальнейшим укреплением государства и его аппарата, в результате чего в более позднее время, до отмены крепостного права, происходили лишь разрозненные выступления крестьян. Другой причиной, указывал В.В. Мавродин, было то, что шло дальнейшее расслоение крестьян, и это ослабляло единство крестьянства в общей борьбе против крепостного права [7, с. 289]. В самой крестьянской войне он усматривал две тенденции в ее возможном развитии, которые так и не осуществились. Одна могла вести к осуществлению народного идеала вольного человека на вольной земле. Другая – к перерождению казачьей повстанческой верхушки в новых феодалов, но без аристократического происхождения, которой приходилось в то же время считаться с традициями старой казачьей вольности [7, с. 290].

Монография, посвященная четырем крестьянским войнам, вызвала отклик в историографии. Так, А.П. Пронштейн подчеркивал, что в качестве причин этих явлений недостаточно рассматривать только усиление крепостного права и что усиление феодальной эксплуатации могло быть обеспечено только с помощью бюрократического аппарата, армии, полиции, суда, фискальной системы или благотворительности, которую играло государство. Эта мысль представляет интерес в свете наметившейся в современной российской исторической мысли тенденции к идеализации государства и монархии в России. Особо важным представляется замечание, согласно которому государство как угнетатель и эксплуататор проявлялось в «повседневной жизни крестьян». В этом замечании виден интерес к проблематике истории повседневности, которая в настоящее время пользуется большим вниманием историков, в данном случае – повседневности крестьянской жизни при крепостном праве. Еще одним важным, по мнению А.П. Пронштейна, вопросом было отличие

крестьянских войн от революций. На первый взгляд, такая постановка академична и схоластична, но в ней заключался подход к оценке характера крестьянских войн. Сходство с революциями он видел в том, что в ходе крестьянских войн и в самом деле шла борьба за власть в государстве.

Однако отличие состояло в том, что у восставших не было понимания самой тесной связи между крепостничеством и самодержавием, но при этом массовое движение крестьян выступало как мощный резерв революции, что в полной мере проявилось в России в 1906 году. Помимо этого, А.П. Пронштейн ставил вопрос об идеологии восставших. Идеология предполагала некоторую степень последовательного логического и даже научного обоснования своих положений. Это позволяло говорить об идеологии, например, декабристов, но не крестьян и казаков. Вместе с тем имеет место иное понимание идеологии, которое предполагает систему взглядов, вовсе не обязательно имеющих какое-то научное обоснование, но наличие определенной внутренней логики в ней должно было присутствовать. А.П. Пронштейн показал, что в воззрениях восставшего народа в России XVII–XVIII вв. такая логика имела место. Основывалась она на взглядах народа на «своих поработителей», которых он видел «довольно ясно», а также на необходимости борьбы «против крепостнического государства и церкви как защитников этой системы» [14, с. 62]. Им было обращено внимание на едва ли менее важное положение для уяснения сущности повстанческого сознания и отношения народа к событиям – новый жизненный опыт, который приобретался народом в условиях России XVII–XVIII вв. и был связан с усилением крепостного гнета, когда враждебность восставших «к государственному аппарату выразилось в создании ими собственных органов управления» [14, с. 64].

В сборнике 1974 г. И.И. Смирнов поставил крестьянские войны в контекст мировой истории. Он подчеркивал, что эти явления не могут быть уяснены вне стоявшей перед Великой французской буржуазной революцией проблемы. Эта проблема определялась кризисом феодального строя и задачами буржуазного развития, поэтому борьбу народа в ходе

крестьянских войн он оценивал как революционную. Он заявил о крестьянских войнах как о настоящих гражданских войнах [8, с. 29, 31]. Было обращено особое внимание на источники. Е.И. Индова, А.А. Преображенский и Ю.А. Тихонов проделали анализ требований восставших, а В.И. Буганов – прокламаций С. Разина. А.Г. Маньков дал характеристику известиям иностранцев о Разинском восстании и известиям о восстании в зарубежной печати. Появились исследования об участии казаков в крестьянских войнах [15; 27], о проводителях массовых народных движений XVII–XVIII вв. [2; 3; 16; 19; 26]. В.И. Буганов проанализировал вопросы царя Алексея Михайловича, которые должны были задаваться на следствии [4].

К середине 80-х гг. сложились предпосылки для пересмотра концепции четырех крестьянских войн в России. Это относилось к событиям начала XVII в. и к Булавинскому восстанию. Было обращено внимание на то, что конкретный эмпирический материал, относящийся к этим событиям, далеко не в полной мере соответствует концепции крестьянской войны. Так, Р.Г. Скрынников подверг критике концепцию крестьянской войны начала XVII века. Он подчеркивал, что самую активную роль в восстаниях играли не «эксплуатируемые низы» из числа холопов, а их «привилегированный слой – боевые холопы». Однако он подчеркивал, что считать их «сторонниками ниспровержения феодального строя едва ли возможно» [20, с. 324–325]. Для событий того времени он принял определение гражданской войны, а несколько позже и Смуты, которое было распространено в дореволюционной историографии. Восстание Болотникова Р.Г. Скрынников также не считал крестьянской войной и подчеркивал, что восстание активно поддержали дворяне разных городов, а у Болотникова не было никакой «антикрепостнической программы». События начала XVII в. также считал гражданской войной А.Л. Станиславский. Он указывал на активную и самостоятельную роль в нем казачества, которое определял как «вольное казачество на основной территории России», в отличие от казачьих войск на южных реках. Он отмечал его прочность как особой социальной группы, которую удалось ликвидировать уже после

Смуты правительству Михаила Романова, когда для него было найдено место в социальной структуре русского общества [22, с. 244–247]. О крестьянской войне того времени А.Л. Станиславский не упоминал. Несколько позже И.О. Тюменцев заявлял об участии в движении Лжедмитрия II мелких служилых людей, беглых холопов и казаков, но не из войск, существовавших на казачьих реках, а из представителей разных социальных групп, которых называли казаками [24, с. 574]. Признаков крестьянской войны в этом движении И.О. Тюменцев не отмечает. Не видит он также стремления участников этого движения к социальному переустройству в России по типу казачьей республики, а общественный раскол усматривает не по социальному признаку, но внутри служилого сословия.

По-иному видел характер Булавинского восстания Н.И. Павленко. Он считал его не крестьянской войной, а выступлением казачества в защиту своих сословных интересов: сохранения широкой автономии войска Донского, возможности принимать на Дону беглых, а также прав войска Донского на Бахмутские соляные промыслы, в защиту которых выступил К. Булавин [13, с. 63, 66]. Подобную оценку Булавинскому восстанию давали в историографии и ранее. Историк-юрист С.Г. Сватиков считал это восстание попыткой казачества защитить свою самостоятельность от наступления на нее со стороны России. Близкой была точка зрения Н.С. Чаева. А.П. Пронштейн не называл Булавинское восстание крестьянской войной, видел в нем выступление казачества, хотя указывал на его антифеодальную направленность. Позже в совместной монографии с Н.А. Мининковым он допускал перерастание восстания в крестьянскую войну после взятия Булавиным Черкаска [15, с. 252].

Современная российская историография признает в России XVII–XVIII вв. только две крестьянские войны, к которым относит восстания под предводительством С. Разина и Е. Пугачева. При этом оба восстания рассматриваются в качестве крестьянских войн лишь на определенном этапе своего развития, когда они распространились на территории, заселенные крепостными крестьянами. В то же время обозначились направления современного исследования массовых народных дви-

жений. Одно из них было связано с возвращением в историографию понятия о русском бунте, которое господствовало в трудах дореволюционных историков. Однако оно существенно изменилось. В соответствии с тенденцией к пониманию исторических явлений и процессов как культурных феноменов и с культурологическим подходом к ним массовые движения, возглавлявшиеся С. Разиным и Е. Пугачевым, и другие бунты рассматривались в качестве своеобразных феноменов культуры. Такой подход успешно осуществился В.М. Соловьевым в исследовании о Разинском восстании и В.Я. Маулем в исследовании о Пугачевском восстании. В.М. Соловьев подчеркивает не только признаки бунта, но и социальную заостренность в действиях казаков под предводительством С. Разина с самого начала движения [21]. В этом проявляется связь между концепцией восстания как русского бунта и как крестьянской войны, носившей социальный характер. То же самое можно увидеть в анализе социальной психологии казаков, крестьян и городского населения как участников массовых движений в России, проведенном В.Я. Маулем, самозванческой харизмы, проявившейся в ходе восстания Пугачева, мифов и ритуалов повстанцев [11; 12]. Вопрос о взаимоотношениях казаков-булавицев и некрасовцев с крымскими властями рассматривал Д.В. Сень. По его мнению, неконфронтационные практики в этих отношениях занимали значительное место [17; 18]. На сложность понимания личности С. Разина указывал И.Л. Андреев: «Слащавый официоз, который старательно приписывает атаману-бунтарю то, чего не было и быть не могло, так же далек от правды, как и истолкование разинщины в свете бессмысленного разрушения» [1, с. 537].

Представляется вместе с тем интересным обратиться к предположению В.О. Ключевского о том, почему до Смутного времени не было столь массовых движений, которые имели место в России XVII–XVIII вв., и в частности к теории вотчинного государства, которую разделял выдающийся историк. Он подчеркивал, что при взгляде на государство как на вотчину у народа не было причин для выражения протеста и в случае недовольства люди просто уходили, «брели розно». И только с пре-

одолением взгляда на государство как на вотчину государя, которое произошло, по мнению В.О. Ключевского, в результате Смуты, появились причины для массовых движений протеста [6, с. 52].

Современные исследования о массовых народных движениях в России XVII–XVIII вв. не обращаются к концепции крестьянских войн. В них подняты новые проблемы, решение которых позволяет выйти на понимание психологии участников этих движений, уяснить особенности их сознания и роли в их действиях бессознательных начал. Придан новый, социокультурный смысл традиционному понятию русского бунта. Таким образом, в отношении изучения этих движений историческая мысль пошла вперед по сравнению со временем двух публикаций о крестьянских войнах. Но вместе с тем следует иметь в виду, что достижения нашего времени, которые несомненны, являются результатом переосмысления того, что было достигнуто советской исторической наукой в изучении крестьянских войн. Также следует подчеркнуть, что положения и выводы делались на основе колоссального фактического материала. В то же время едва ли было бы правильно полностью отказываться от положения о крестьянской войне, тем более что в историографии наших дней это положение используется для понимания сущности массовых крестьянских движений периода гражданской войны, в частности для Тамбовского восстания 1921 года.

Новые положения и выводы исторической науки, выход ее на новый уровень исследования массовых народных движений в России не означает забвения достижений 60–70-х годов. Только отталкиваясь от этих достижений, современная историческая наука оказалась способной ставить и решать эту большую, сложную и всегда актуальную проблему отечественной истории.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреев, И. Л. Алексей Михайлович / И. Л. Андреев. – М. : Молодая гвардия, 2006. – 638, [2] с. : ил.
2. Буганов, В. И. Булавин / В. И. Буганов. – М. : Молодая гвардия, 1988. – 316, [4] с. : ил.
3. Буганов, В. И. Пугачев / В. И. Буганов. – М. : Молодая гвардия, 1984. – 383 с. : ил.
4. Буганов, В. И. «Розыскное дело» Степана Разина / В. И. Буганов // Отечественная история. – 1994. – № 1. – С. 28–42.
5. Зимин, А. А. Некоторые вопросы истории крестьянской войны в России в начале XVIII века / А. А. Зимин // Вопросы истории. – 1958. – № 3. – С. 97–113.
6. Ключевский, В. О. Сочинения. В 8 т. Т. 3. Курс русской истории. Ч. 3 / В. О. Ключевский. – М. : Госполитиздат, 1957. – 426 с.
7. Крестьянские войны в России XVII–XVIII вв. / И. И. Смирнов, А. Г. Маньков, Е. П. Подъяпольская, В. В. Мавродин. – М. ; Л. : Наука, 1966. – 328 с.
8. Крестьянские войны в России XVII–XVIII веков: проблемы, поиски, решения. – М. : Наука, 1974. – 447 с.
9. Ленин, В. И. Лев Толстой как зеркало русской революции // Полное собрание сочинений. В 55 т. Т. 17 / В. И. Ленин. – 5-е изд. – М. : Изд-во полит. лит., 1968. – С. 209–213.
10. Маковский, Д. П. Первая крестьянская война в России / Д. П. Маковский. – Смоленск : Моск. рабочий, 1967. – 526 с.
11. Мауль, В. Я. Социокультурные аспекты изучения русского бунта / В. Я. Мауль. – Томск : Изд-во ТГУ, 2005. – 159 с.
12. Мауль, В. Я. Харизма и бунт: психологическая природа народных движений в России XVII–XVIII веков / В. Я. Мауль. – Томск : Изд-во ТГУ, 2003. – 217 с.
13. Павленко, Н. И. К вопросу о роли донского казачества в крестьянских войнах / Н. И. Павленко // Социально-экономическое развитие России. – М. : Наука, 1986. – С. 62–75.
14. Пронштейн, А. П. Об идеологии восставших во время крестьянских войн в России XVII–XVIII вв. / А. П. Пронштейн // Актуальные вопросы науки. – Ростов н/Д : Изд-во РГУ, 1967. – С. 57–67.
15. Пронштейн, А. П. Крестьянские войны в России XVII–XVIII веков и донское казачество / А. П. Пронштейн, Н. А. Мининков. – Ростов н/Д : Изд-во РГУ, 1983. – 424 с.
16. Сахаров, А. Н. Степан Разин. Хроника XVII века / А. Н. Сахаров. – М. : Молодая гвардия, 1987. – 320 с. : ил.
17. Сень, Д. В. «Войско Кубанское Игнатово Кавказское» : Исторические пути казаков-некрасовцев (1708 г. – конец 1920-х гг.) / Д. В. Сень. – Краснодар : Кубанькино, 2002. – 286 с.
18. Сень, Д. В. Казачество Дона и Северо-Западного Кавказа в отношениях с мусульманскими государствами Причерноморья (вторая половина XVII – начало XVIII в.) / Д. В. Сень. – 2-е изд. – Ростов н/Д : Изд-во ЮФУ, 2009. – 278 с.

19. Скрынников, Р. Г. Смута в России в начале XVII в. Иван Болотников / Р. Г. Скрынников. – Л. : Наука, 1988. – 255 с.
20. Скрынников, Р. Г. Социально-политическая борьба в Русском государстве в начале XVII века / Р. Г. Скрынников. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1985. – 327 с.
21. Соловьев, В. М. Анатомия русского бунта. Степан Разин: мифы и реальность / В. М. Соловьев. – М. : ТИМР, 1994. – 251 с.
22. Станиславский, А. Л. Гражданская война в России XVII в. : Казачество на переломе истории / А. Л. Станиславский. – М. : Мысль, 1990. – 272 с.
23. Степанов, И. В. Крестьянская война в России в 1670–1671 гг. В 2 т. Т. 1. Восстание Степана Разина / И. В. Степанов. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1966. – 371 с.
24. Тюменцев, И. О. Смутное время в России начала XVII столетия: движение Лжедмитрия II / И. О. Тюменцев. – М. : Мысль, 2008. – 686 с.
25. Чистякова, Е. В. Крестьянское движение в Подмосковье и поход Василия Уса (1666 г.) / Е. В. Чистякова // Вопросы истории. – 1953. – № 8. – С. 128–133.
26. Чистякова, Е. В. Степан Разин и его соратники / Е. В. Чистякова, В. М. Соловьев. – М. : Мысль, 1988. – 221, [2] с.
27. Шепелев, И. С. Донское и волжско-терское казачество в классовой и национально-освободительной борьбе в Русском государстве периода Крестьянской войны и польско-шведской интервенции (1-я четверть XVII в.) / И. С. Шепелев // Из истории социально-экономического развития и классовой борьбы в Нижнем Поволжье. – Волгоград : [б. и.], 1972. – С. 3–70.

REFERENCES

1. Andreev I.L. *Aleksey Mikhaylovich* [Alexey Mikhailovich]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 2006. 638, [2] p.: il.
2. Buganov V.I. *Bulavin* [Bulavin]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 1988. 316 [4] p.: il.
3. Buganov V.I. *Pugachev* [Pugachev]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 1984. 383 p.: il.
4. Buganov V.I. «Rozysknoye delo» Stepana Razina [Documents about the Search of Stepan Razin]. *Otechestvennaya istoriya*, 1994, no. 1, pp. 28–42.
5. Zimin A.A. Nekotorye voprosy krestyanskoj vojny v Rossii v nachale XVIII veka [Some Issues on the History of the Peasant War in Russia in the Late 18th Century]. *Voprosy istorii*, 1958, no. 3, pp. 97–113.
6. Kluchevskiy V.O. *Sochineniya. V 8 t. T. 3. Kurs russkoj istorii* [Works. In 8 vols. Vol. 3. The Course of Russian History]. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1957. 426 p.

7. Smirnov I.I., Mankov A.G., Podyapol'skaya E.P., Mavrodin V.V. *Krestyanskie vojny v Rossii XVII–XVIII vekov* [Peasant Wars in the Russia of the 17th–18th Centuries]. Moscow, Leningrad, Nauka Publ., 1966. 328 p.
8. *Krestyanskie vojny v Rossii XVII–XVIII vekov: problemy, poiski, resheniya* [Peasant Wars in the Russia of the 17th–18th Centuries: Problems, Searches, Solutions]. Moscow, Nauka Publ., 1974. 447 p.
9. Lenin V.I. Lev Tolstoy kak zerkalo russkoj revolyutsii [Leo Tolstoy as a Mirror of the Russian Revolution]. Lenin V.I. *Polnoe sobranie sochineniy. V 55 t. T. 17* [Complete Collected Works. In 55 vols. Vol. 17]. Moscow, Izd-vo politicheskoy literatury, 1968, pp. 209–213.
10. Makovskiy D.P. *Pervaya krestyanskaya vojna v Rossii* [First Peasant War in Russia]. Smolensk, Moskovskiy rabochiy Publ., 1967. 526 p.
11. Maul V.Ya. *Sotsiokulturnye aspekty izucheniya russkogo bunta* [Socio-Cultural Aspects of the Study of Russian Rebellion]. Tomsk, Izd-vo TGU, 2005. 159 p.
12. Maul V.Ya. *Kharizma i bunt: psikhologicheskaya priroda narodnykh dvizheniy v Rossii XVII–XVIII vekov* [Charisma and Rebellion: the Psychological Nature of Popular Movements in Russia in the 17th and 18th Centuries]. Tomsk, Izd-vo TGU, 2003. 217 p.
13. Pavlenko N.I. K voprosu o roli donsogo kazachestva v krestyanskikh voynakh [On the Issue of the Role of Don Cossacks in Peasant Wars]. *Sotsialno-ekonomicheskoe razvitie Rossii* [Social and Economic Development of Russia]. Moscow, Nauka Publ., 1986, pp. 62–75.
14. Pronsteyn A.P. Ob ideologii vosstavshikh vo vremya krestyanskikh voyn v Rossii XVII–XVIII vv. [On the Ideology of Rebels during Peasant Wars in the Russia of the 17th–18th Centuries]. *Aktualnye voprosy nauki* [Current Issues of Science]. Rostov-on-Don, Izd-vo RGU, 1967, pp. 57–67.
15. Pronsteyn A.P., Mininkov N.A. *Krestyanskie vojny v Rossii XVII–XVIII vekov i donscoe kazachestvo* [Peasant Wars in the Russia of the 17th–18th Centuries and Don Cossacks]. Rostov-on-Don, Izd-vo RGU, 1983. 424 p.
16. Sakharov A.N. *Stepan Razin. Khronika XVII veka* [Stepan Razin. Chronicle of the 17th Century]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 1987. 320 p.: il.
17. Sen D.V. «Voysko Kubanskoe Ignatovo Kavkazskoe»: *Istoricheskie puti kazakov-nekrasovtsev (1708 g. – konets 1920-h gg.)* [“The Kuban Ignat’s Caucasus Host”: The Historical Paths of Nekrasov Cossacks (1708 – the Late 1920s)]. Krasnodar, Kubankino Publ., 2002. 286 p.
18. Sen D.V. *Kazachestvo Dona i Severo-Zapadnogo Kavkaza v otnosheniyakh s musulmanskimi*

gosudarstvami Prichernomorya (vtoraya polovina XVII – nachalo XVIII v.) [The Cossacks of the Don and the North-Western Caucasus in Relations with the Muslim States of the Black Sea Region (Second Half of the 17th – the Late 18th Century)]. Rostov-on-Don, Izd-vo YuFU, 2009. 278 p.

19. Skrynnikov R.G. *Smuta v Rossii v nachale XVII veka. Ivan Bolotnikov* [The Time of Troubles in Russia in the Late 17th Century. Ivan Bolotnikov]. Leningrad, Nauka Publ., 1988. 255 p.

20. Skrynnikov R.G. *Sotsialno-politicheskaya borba v Russkom gosudarstve v nachale XVII veka* [Socio-Political Struggle in the Russian State in the Late 17th Century]. Leningrad, Izd-vo LGU, 1985. 327 p.

21. Solovyev V.M. *Anatomiya russkogo bunta. Stepan Razin: mify i realnost* [Anatomy of the Russian Riot. Stepan Razin: Myths and Reality]. Moscow, TIMR Publ., 1994. 251 p.

22. Stanislavskiy A.L. *Grazhdanskaya voyna v Rossii XVII v.: Kazachestvo na perelome istorii* [Civil War in Russia in the 17th Century: Cossacks at the Turning Point of History]. Moscow, Mysl Publ., 1990. 272 p.

23. Stepanov I.V. *Krestyanskaya voyna v Rossii v 1670–1671 gg. V 2 t. T. 1. Vosstanie Stepana Razina* [The Peasant War in Russia in 1670-1671. In 2 vols.

Vol. 1. Rise of Stepan Razin]. Leningrad, Izd-vo LGU, 1966. 371 p.

24. Tyumentsev I.O. *Smutnoe vremya v Rossii nachala XVII stoletiya: dvizhenie Lzhedmitriya II* [Time of Troubles in Russia in the Late 17th Century: the False Dmitry II Movement]. Moscow, Mysl Publ., 2008. 686 p.

25. Chistyakova E.V. *Krestyanskoe dvizhenie v Podmoskovye i pohod Vasiliya Usa (1666 g.)* [Peasant Movement in the Moscow Region and the March of Vasily Us (1666)]. *Voprosy istorii*, 1953, no. 8, pp. 128-133.

26. Chistyakova E.V., Solovyev V.M. *Stepan Razin i ego soratniki* [Stepan Razin and His Associates]. Moscow, Mysl Publ., 1988. 221, [2] p.

27. Shepelew I.S. *Donskoe i volzhsko-terekskoe kazachestvo v klassovoy i natsionalno-osvoboditelnoy borbe v Russkom gosudarstve perioda Krestyanskoy voyny i polsko-shvedskoy interventsii (1-ya chetvert XVII v.)* [Don and Volga-Terek Cossacks in the Class and National Liberation Struggle in the Russian State during the Peasant War and the Polish-Swedish Intervention (1st Quarter of the 17th Century)]. *Iz istorii sotsialno-ekonomicheskogo razvitiya i klassovoy borby v Nizhnem Povolzhye* [From the History of Socio-Economic Development and Class Struggle in the Lower Volga]. Volgograd, 1972, pp. 3-70.

Information about the Author

Nikolaj A. Mininkov, Doctor of Sciences (History), Professor, Head of the Department of Special Historical Disciplines and Documentation, Southern Federal University, Bolshaya Sadovaya St., 33, 344006 Rostov-on-Don, Russian Federation, mininkov@aaanet.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3271-8434>

Информация об авторе

Николай Александрович Мининков, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой специальных исторических дисциплин и документоведения, Южный федеральный университет, ул. Большая Садовая, 33, 344006 г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация, mininkov@aaanet.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3271-8434>